

Внезапно в комнате стало жутко тихо.

Цзи Юйцзинь медленно поднял глаза и встретился взглядом с собеседником. Уголки его губ медленно изогнулись вверх, и его тон был слегка саркастичным:

— В этой ситуации... ты закричишь первым, или мне закричать первому?

Чу Фэнцин отвернулся, но неизбежно его белоснежная кожа мгновенно окрасилась красным, даже мочки ушей налились кровью, словно красные цветы сливы, распустившиеся в снегу. Он стиснул зубы и сказал:

— Вы... сначала опустите полог.

Он хотел сначала надеть одежду, висевшую рядом, но Цзи Юйцзинь совсем его не слушал. Он встал, дрожа, и лишь ахнул, когда потревожил рану.

Их разделяло всего несколько шагов. Цзи Юйцзинь шагнул широко и почти мгновенно оказался перед Чу Фэнцином. Он первым поднял одежду, а затем зацепил дуду, висевший сбоку, своими руками с лёгкими мозолями. На дуду было что-то вшито. Он коснулся этого пальцами и изучил.

Затем он поднёс дуду к лицу Чу Фэнцина и с улыбкой сказал:

— Ха, ты полагался на эту штуку, чтобы обмануть меня?

Чу Фэнцин поджал губы и избегал его взгляда.

Цзи Юйцзинь зажал его подбородок пальцами и силой повернул его к себе, чтобы тот посмотрел на него:

— Теперь ты не смеешь смотреть на меня? Ты был так хорош в разговорах, когда обманывал меня.

Боль в подбородке заставила Чу Фэнцина нахмуриться. Он хотел что-то сказать, но все объяснения казались бледными перед лицом таких веских фактов, так что он просто замолчал.

Цзи Юйцзинь опустил глаза и посмотрел туда, затем изогнул губы и сказал:

— Не такой уж и большой, неудивительно, что я не заметил.

Зрачки Чу Фэнцина дрогнули, словно он не ожидал, что тот способен на такое:

— Цзи Юйцзинь!

Цзи Юйцзинь не уклонился и не избежал, спросив:

— Чего ты боишься? Я видел всё, что у тебя есть. Не забывай, что я тоже был мужчиной до того, как стал евнухом. Так же, как и ты, я вижу эту штуку каждый день.

Чу Фэнцин закрыл глаза и изо всех сил старался успокоиться. Его губы стали пугающе бледными:

— Сначала отпустите меня. Подождите, пока я оденусь, и тогда мы сможем поговорить.

— Поговорить? О чём нам говорить?

Улыбка Цзи Юйцзиня исчезла:

— Говорить о том, почему ты притворился, что не узнаёшь меня, когда переоделся женщиной? Говорить о том, как ты мог терпеть отвращение и приближаться ко мне? Говорить о том, почему ты обращался со мной как с дураком?

Он не мог контролировать силу в своих руках и давил всё сильнее и сильнее, пока на лице Чу Фэнцина не появилось выражение боли. Тогда он слегка ослабил хватку:

— Кроме этого, о чём ещё мы можем говорить?

— Чу Иньинь... о, я забыл, я должен называть тебя — Чу Фэнцин.

Он произнёс имя Чу Фэнцина мягко. Возможно, он не ожидал, что собеседник узнает его личность так быстро. Глаза Чу Фэнцина немного расширились.

Цзи Юйцзинь:

— Ты идёшь на такие великие жертвы, просто чтобы спасти своего отца. Выйти замуж за евнуха — это отвратительно, не так ли?

— На самом деле, если бы ты пришёл ко мне как Чу Фэнцин, у нас ещё осталась бы маленькая дружба как у одноклассников, и, возможно, я бы протянул руку помощи.

Губы Цзи Юйцзиня были алыми, а родинка в уголке глаза — особенно соблазнительной. Он источал злую ауру. Он приподнял прядь волос Чу Фэнцина и сказал нежным тоном:

— Почему всё должно было быть именно так? Я пытался проверить тебя, но ты был дотошен и не выдал ни единого изъяна. Я дал тебе шанс и спросил, лгал ли ты мне когда-нибудь, но ты дал мне только «нет» в качестве ответа.

Если бы ты доверял мне хоть немного больше, мы бы не дошли до этого.

Тон Чу Фэнцина слегка изменился:

— Простите... Подождите, пока я оденусь, вы можете убить меня или изрубить на куски, как пожелаете.

Цзи Юйцзинь рассмеялся громче:

— Я могу убить тебя или изрубить на куски? Это ты сам сказал, молодой господин.

Цзи Юйцзинь положил руку на его лицо, двигаясь вниз мало-помалу, пока не остановился на его ключице:

— Тогда зачем тебе ещё одеваться? Твоя кожа лучше, чем у дам. Почему бы тебе не позволить мне услужить тебе хоть раз? Это также будет исполнением наших давних отношений как мужа и жены. Что ты думаешь, молодой господин?

Руки Чу Фэнцина постепенно сжимались в кулаки перед ним. Хотя в тоне Цзи Юйцзиня был оттенок игривости, его взгляд оставался леденяще спокойным. Тёмная вспышка промелькнула в его голове, и он вспомнил, что Чу Фэнцин сказал, когда он был без сознания. Всё ещё? Как он всё ещё мог делать это в такой ситуации?

Он думал, что он единственный, кто влюбился, и считал всю свою сдержанность и маневрирование глубокой любовью. В конце концов, он был всего лишь дураком, всё ещё фантазирующим о будущем.

В то время как другая сторона уже думала о том, как избавиться от всей их связи.

Он вспомнил, как Чу Фэнцин хмурился, когда он обнимал его, и его сопротивление, когда они спали в одной постели. Он не знал, насколько он, должно быть, был ему отвратителен в то время.

Чу Фэнцин не испытывал к нему ни малейшей привязанности с самого начала и до конца.

Ясно осознав это, Цзи Юйцзинь стиснул зубы, его глаза горели красным, его разум постепенно стирался, и теперь его голова была полна животных инстинктов. Он просто хотел прижать его под себя и заставить плакать. Он не любит и презирает его? Тогда пусть презирает его вволю!

Он наклонился и укусил его за ключицу. Зрачки Чу Фэнцина слегка сузились. Он хотел оттолкнуть его, но отдернул руку, учитывая его рану.

— Только не думай, что я евнух. У евнухов есть свои способы быть евнухами.

На этот раз было не так мирно, как в брачную ночь. Острая боль пришла от его ключицы. И без того бледные губы Чу Фэнцина теперь были совершенно бескровными. Он не мог не издать слабый звук боли. Его дыхание стало учащённым и беспорядочным, словно его астма вот-вот должна была обостриться.

Цзи Юйцзинь поднял взгляд. Он не особо разбирался в медицине и никогда не видел никого с астмой. Он просто подумал, что Чу Фэнцин испытывает к нему отвращение. Он медленно поднял глаза, разжал руку и встретил ясный взгляд Чу Фэнцина. Он горько усмехнулся:

— Отвратительно? Очень отвратительно, верно?

Цзи Юйцзинь медленно успокоился:

— Как ты смеешь всё ещё выходить замуж, подменяя кого-то, если тебе это настолько отвратительно? Ты такой хороший брат. После того как ты женился, ты день и ночь думал о том, как избежать контакта со мной? Ты думаешь, этот человек такой надоедливый, что липнет к тебе целыми днями?

Он поджал губы, сжал руки по бокам в кулаки, и рана на его спине снова открылась, но ему было всё равно:

— Забудь, раз ты испытал лекарство для меня...

Цзи Юйцзинь не мог продолжать. Чу Фэнцин на самом деле не хотел выходить за него замуж, но император даровал этот брак. Если бы это был он, он бы тоже не захотел позволить такой хорошей сестре выйти за жестокого и безжалостного евнуха. Семья Чу потеряла власть, а Чу Чжэньинь всё ещё был в тюрьме. Если бы они ослушались приказа, Чу Чжэньинь умер бы первым.

Он приличный молодой человек, но переодевается женщиной и надевает эту странную одежду. Кто знает, сколько обид ему приходится терпеть.

Когда он докопается до сути этого дела, он не знает, с кого спросить за этот долг.

Цзи Юйцзинь отступил на шаг, его голос стал хриплым, и он мягко сказал:

— Теперь мы в расчёте, можешь уходить.

Чу Фэнцин застыл на мгновение, приоткрыв губы, но вырвался лишь звук его собственного торопливого дыхания. Его дыхание было таким быстрым, что он не мог вымолвить ни слова, оставшись совершенно безгласным. Всё, что он мог делать, — это качать головой.

Он хотел сказать, что не испытывает отвращения, у него просто приступ...

— Кхе, кхе, кхе...

Чу Фэнцин начал сильно кашлять, и его дыхание становилось всё более и более учащённым, словно звук сломанных мехов.

— Ха...

Казалось, его лёгкие вот-вот взорвутся. Было так больно.

Цзи Юйцзинь был напуган сценой перед ним. Даже если он не понимал, он просто знал, что что-то не так.

— Что с тобой?

Чу Фэнцин медленно соскользнул вниз, опускаясь на колени на землю, поглаживая горло руками, обнажая свою худую спину. Его согнутый позвоночник был особенно заметен.

— Чу Фэнцин...

Искажённый звук дыхания заполнил всю палатку. Цзи Юйцзинь был в тревоге. Ему было совершенно всё равно на рану на своей спине, и он присел перед ним на корточки:

— Где лекарство?

Чу Фэнцин не мог говорить, слёзы катились из его глаз, его снежное лицо покраснело, и он покачал головой.

Лекарства больше не было. Последнюю пилюлю он скормил Цзи Юйцзиню в прошлый раз.

-----

У автора есть что сказать:

И все, не волнуйтесь, я никогда не буду писать трагические любовные истории, никогда о так

называемой «любви»!

<http://bllate.org/book/17231/1616075>